

Сказка Туве Янссон
" В конце ноября "
Глава 20

После того как Онкельскрут устроился на зимнюю спячку в шкафу, в долине стало еще тише. Изредка раздавался стук молотка – хемуль мастерил беседку в ветвях клена – или стук топора у поленицы. Но большей частью здесь было тихо. Все здоровались друг с другом и прощались, но разговаривать им не хотелось. Они ждали конца рассказа.

Проголодавшись, каждый шел в кладовую подкрепиться. Кофейник все время стоял на плите и не остывал. По правде говоря, тишина в долине была приятная, успокаивающая, и они больше подружились теперь, когда встречались реже. Голубой шар был совсем пустой и готов был наполниться чем-то новым и неизвестным. Становилось все холоднее.

А однажды утром случилось нечто неожиданное: пол беседки с громким треском обрушился вниз и большой клен стал таким же, как прежде, до того, как хемуль затеял это строительство.

– Как странно, – сказал хемуль, – мне опять начинает казаться, что многое на свете повторяется (что со мною это уже было когда-то). Они стояли под кленом, все трое, и смотрели на обломки дома.
– Может быть, – робко заметил Тофт, – может быть, папе больше нравится сидеть на ветке, а не в доме?
– Правильно говоришь! – согласился хемуль. – Скорее всего, это в его вкусе, не правда ли? Я, конечно, мог бы вбить в дерево гвоздь для сигнального фонаря. Но, пожалуй, лучше просто повесить его на ветку.

И они пошли пить кофе. На этот раз они пили чинно, все вместе и даже чашки поставили на блюдечки.
– Подумать только, как несчастье объединяет людей, – серьезно заметил хемуль, помешивая ложечкой. – И что же нам теперь делать?
– Ждать, – сказал хомса Тофт.
– Ну это ясно, а что же делать лично мне? – возразил хемуль. – Тебе только и остается ждать их возвращения, со мной дело обстоит совсем иначе.
– А почему это? – спросил хомса.
– Не знаю, – ответил хемуль.
Снусмумрик налил еще кофе и сказал:
– После двенадцати поднимется ветер.
– Вот ты так всегда! – возмутился хомса. – Речь идет о том, что мне делать и что со мною будет, меня это так пугает, а ты твердишь себе: будет снег или ветер, а то скажешь: "Дайте еще сахара"...

– Вот ты опять и разозлился, – удивился хемуль. – И что это на тебя находит? Хорошо, что хоть ты злишься редко.
– Не знаю, – пробормотал Тофт. – Я вовсе не разозлился, просто...
– Я подумал о парусной лодке, – пояснил Снусмумрик. – Если после полудня поднимется ветер, мы с хемулем могли бы покататься.
– Лодка течет, – сказал хемуль.
– Нет, – возразил Снусмумрик, – я ее проконопатил. А в сарае нашел парус. Хочешь покататься?
Хомса опустил глаза и уставился на дно чашки, он чувствовал, что хемуль испугался. Но хемуль сказал:
– Это было бы просто прекрасно.

В половине первого подул ветер, правда, не сильный, но на море закружились белые барашки. Снусмумрик пришвартовал лодку к мосткам купальни, поставил шпринтовый парус и велел хемулю сесть впереди. Было очень холодно, и они натянули на себя всю шерстяную одежду, какая была в доме. Небо было ясное, окаймленное у горизонта грядой зимних облаков. Снусмумрик взял курс на мыс, лодка резко накренилась и набрала скорость.

– Его величество море! – воскликнул хемуль дрожащим голосом; он побледнел и испуганно глядел на поручни на подветренной стороне, почти касавшиеся зеленой воды. "Так вот каково оно, – думал он. – Вот каково плыть под парусом. Весь мир накреняется и кружится, а ты висишь на краю бездны. Тебе холодно и страшно, ты раскаиваешься, что пустился в путь, но уже поздно. Хоть бы он только не заметил, как я трушу".

Возле мыса парусник подхватила мертвая зыбь, которую принесло откуда-то издалека, Снусмумрик сделал поворот против ветра и продолжал путь. Хемуля замутило. Тошнота подкралась медленно и коварно; сначала хемуль стал зевать и глотать, потом вдруг как-то ослабел, почувствовал, что все его тело слабеет, и ему захотелось умереть.

– Теперь ты садись за руль, – сказал Снусмумрик.
– Нет, нет, – прошептал хемуль и замахал обеими лапами, эти движения вызвали новый приступ боли у него в животе, ему показалось, что несносное море перевернулось вверх дном.

– Возьми руль, – повторил Снусмумрик и перебрался к средней скамье. Руль беспомощно завертелся сам по себе, пока хемуль, спотыкаясь и запинаясь о скамьи, добрался до кормы и вцепился в него посиневшими от холода лапами. Парус забился – сейчас наступит конец всему свету, а Снусмумрик сидел и спокойно смотрел вдаль.

Хемуль повернул руль в одну сторону, потом в другую, парус хлопал, в лодку натекала вода, а Снусмумрик все смотрел на горизонт. Хемулю было так плохо, что он не мог сосредоточиться и правил наугад, и вдруг дело пошло на лад, парус наполнился ветром, и лодка уверенно заскользила вдоль берега по длинным волнам.

"Теперь меня не вытошнит, – думал хемуль. – Я крепко– крепко держу руль, и меня не вытошнит".

Живот сразу успокоился. Хемуль не сводил взгляда с носа лодки, который то поднимался на волне, то опускался, то поднимался, то опускался. "Пусть парусник плывет хоть на край света, только бы мне опять не стало худо, только бы меня не вырвало..." Хемуль не смел шевельнуть ни одним мускулом, не смел изменить выражение мордочки, ни подумать о чем-нибудь другом. Он упорно смотрел на нос лодки, то взлетавшей, подгоняемой попутным ветром, то опускавшейся, и их уносило все дальше и дальше в море.

Хомса Тофт вымыл посуду и застелил кровать хемуля. Потом собрал доски для пола, лежавшие под кленом, и спрятал их за дровяным сараем. После этого сел за кухонный стол и, прислушиваясь к ветру, стал ждать.

Наконец он услышал голоса в саду. Послышались шаги на кухонном крыльце, вошел хемуль и сказал:
– Привет!

– Привет, привет! – ответил хомса. – Сильный ветер был на море?
– Почти шторм. Сильный, свежий ветер.

Мордочка у него все еще была зеленая, его знобило; он снял башмаки и носки и повесил сушиться над плитой. Хомса налил ему кофе. Они сидели друг против друга за кухонным столом, и обоим было неловко.

– Мне думается, – сказал хемуль, – мне думается, не пора ли собираться домой? – Он чихнул и добавил: – Между прочим, я правил лодкой.
– Может, ты соскучился по своей собственной лодке? – пробормотал хомса.
Хемуль долго молчал и когда, наконец, заговорил, хомса почувствовал в его голосе сильное облегчение.
– Знаешь что, – сказал хемуль. – Я скажу тебе кое-что. Ведь я первый раз в жизни плавал по морю!

Хомса сидел, не поднимая головы, и хемуль спросил:
– Ты не удивляешься?
Хомса покачал головой.

Хемуль поднялся и стал взволнованно ходить по кухне.
– Какой ужас плыть под парусом, – говорил он. – Веришь ли, меня до того укачало, что просто хотелось умереть и страшно было все время!

Хомса Тофт взглянул на хемуля и сказал:
– Это, должно быть, ужасно!

– Точно! – с благодарностью подхватил хемуль. – Но я и виду не подал Снусмумрику! Он сказал, что я хорошо правлю при попутном ветре и что хватка у меня правильная. А я теперь понял, что не стану плавать. Вот странно–то, верно? Я вот только сейчас понял, что никогда больше не захочу управлять лодкой!

Хемуль поднял мордочку и от души рассмеялся. Он с силой высморкался в кухонное полотенце и заявил:
– Ну вот я и согрелся. Как только ботинки и носки высохнут, отправляюсь домой. Воображаю, какая там неразбериха! Уйма дел накопилась.

– Ты что, будешь наводить чистоту? – спросил Тофт.
– Ясное дело, нет! – воскликнул хемуль. – Мне нужно позаботиться о других. Ведь очень немногие могут сами разобраться в том, что им следует делать и как поступать!

Мост всегда был местом расставания. Ботинки и носки хемуля высохли, и теперь он уходил. Шторм все еще не унимался, и редкие волосы хемуля развевались на ветру. Его стал одолевает насморк, а может он просто растрогался.

– Вот мое стихотворение, – сказал хемуль и протянул Снусмумрику листок бумаги. – Я записал его на память. Ну это: "Скажи мне, что такое счастье...", ты знаешь. Будь здоров, привет семье муми-троллей. – Он поднял лапу и пошел.

Хемуль уже прошел мост, когда хомса Тофт нагнал его и спросил:
– Что ты собираешься делать с лодкой?

– С лодкой? – повторил хемуль и, подумав немного, сказал: – Подарю ее. Подожду, пока не найду кого-нибудь подходящего.

– Ты хочешь сказать, того, кто мечтает плавать под парусом?

– Вовсе нет! – отвечал хемуль. – Просто тому, кому нужна лодка. – Он снова помахал лапой, пошел дальше и исчез в березовой роще.

Хомса глубоко вздохнул. Вот и еще один ушел. Скоро долина опустеет и будет принадлежать только семье муми-троллей и ему, хомсе Тофту. Проходя мимо Снусмумрика, он спросила:

– А ты когда уйдешь?
– Посмотрим, – ответил Снусмумрик.